

ОТЗЫВ
официального оппонента о рукописи диссертации
Цинцадзе Нины Сергеевны «Экосоциальные проблемы Европейской
России (1861–1941 гг.): власть, общество, природа»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических
наук по научной специальности 5.6.1 – «Отечественная история»

В своем диссертационном исследовании Нина Сергеевна Цинцадзе затрагивает значимую и актуальную научную проблему – формирования *представлений о взаимовлиянии окружающей среды и социума, рациональном использовании и сохранении природных ресурсов* в процессе аграрной модернизации России. Комплексные вопросы обращения власти и общества к анализу антропогенных изменений окружающей среды и ответных климатических вызовов рассмотрены ею на материале *Европейской России как модельном примере* государственно-общественной рефлексии социоприродных проблем в имперский и советский периоды. Соискательница анализирует побудительные мотивы проявления интереса к социоприродной тематике *главных взаимодействующих акторов* – институций власти, организованной общественности, ученых, публики (в том числе крестьян), характеризует специфику подхода и итог действий каждой из групп. Опыт прошлого при его детальной реконструкции позволяет определить узловые точки социоприродного дискурса, выявить его особенности в кризисных условиях, что важно для обсуждения путей устойчивого поступательного развития современной России. В этом смысле работа Н.С. Цинцадзе дает богатейший *материал для продолжения исследований* проблемы в условиях современных глобальных экологических вызовов, подводит к пониманию причин и последствий неравномерного развития отдельных территорий. Отметим, что диссертационное исследование *соответствует общепринятым тенденциям экологической истории*: акцентирования регионалистского подхода при анализе глобального общемирового процесса.

Спектр вопросов, которые поднимает Н.С. Цинцадзе, чрезвычайно широк и многогранен. Изучение темы природы и социума в аграрном контексте выводит соискательницу на вопросы формирования *государственной природоресурсной политики*, ее места в имперской и советской экономике, трансформации при переходе к индустриальному обществу, зависимости от природных вызовов и общественных запросов. При этом портретируются отдельные государственные структуры и их руководители, ответственные за данное направление – от ведомства земледелия и Государственной думы до Временного правительства и Народного комиссариата земледелия. Далее, диссертантка обращается к

сложному и многофазному процессу обсуждения социоприродной тематики *российским пореформенным обществом*, особо пристально рассматривая активность ученых, земских деятелей, представителей научно-практических обществ и публицистов как инициаторов постановки аграрных вопросов. В качестве самостоятельного блока общественной реакции на негативные социоприродные проявления анализируется меняющееся отношение крестьян к проблемам природопользования и аграрной политике власти, в том числе советская «перекодировка» крестьянского сознания в процессе коллективизации. Иными словами, поставлена амбициозная задача: на основании детальной исторической реконструкции *построить модель взаимодействия Российского государства и позднего аграрного общества* в ходе изучения и решения насущных социоприродных проблем аграрной сферы на протяжении всего рассматриваемого периода, со второй половины XIX включая первую треть XX в.

Становится очевидным, что перед нами – основательное историческое исследование, носящее *междисциплинарный характер*, находящееся на стыке целого ряда областей исторического и, шире, гуманитарного знания – истории окружающей среды (экологической истории), политической и социальной истории России, экономической истории, аграрной истории, крестьяноведения, исторической географии, истории науки и техники и др. Важно и то, что в диссертации крайне результативно использованы *социологические методы* исследования, в частности, *контент-анализ* исторического материала.

Тема включения социоприродных проблем в российский аграрный дискурс рассмотрена исследовательницей в *хронологических рамках 1861–1941 гг.* Выбор временных границ видится обоснованным как общеисторическим ходом модернизационных процессов в России, их социально-политическим контекстом, так и особенностями аграрной сферы с ее специфическими вызовами, запросами и агентами влияния. Нижняя граница определена проведением Великих реформ, ознаменовавших начало транзита от традиционного аграрного общества, верхняя – Великой отечественной войной, закрепившей переход к индустриальному обществу и авральную-мобилизационную модель как базовый подход в решении социоприродных вопросов в советский период.

Анализ взаимодействия государства, общества и природы выполнен *на примере Европейской России*, что соискательница справедливо обосновывает едиными характеристиками региона: острым истощением природных ресурсов, экстенсивным типом хозяйствования, относительно однородной экосистемой.

Предмет и объект диссертационного исследования четко обозначены: экосоциальные проблемы позднего аграрного общества России в восприятии взаимодействующих государственных и общественных институций.

В диссертации охарактеризованы степень разработанности и основные подходы к изучению проблемы, с учетом которых определены *цели и задачи*. Своевременно сформулированные, они способствовали четкой направленности исследования на их разрешение.

Структура работы, подчиненная проблемно-хронологическому принципу, представляется интересной, вытекающей из авторской логики постановки задач исследования. К ней у нас есть вопросы, которые выскажем по ходу обсуждения работы.

Введение, помимо постановки проблемы, включает чрезвычайно объемный *обзор историографических и источниковых основ работы*, что связано с многоплановостью изучения роли различных групп акторов в обсуждении широкого спектра социоприродных проблем.

Анализ *историографии*, на которой базируется работа, занимает почти 20 страниц и представляется релевантным задачам диссертационного исследования. Н.С. Цинцадзе последовательно рассматривает тематически связанные блоки литературы, относящиеся как к вопросам экологической истории, так и к различным аспектам аграрной сферы в целом – ее управлению, кризисным явлениям, попыткам модернизации и т.д. Особо отметим свободную ориентацию автора в зарубежных публикациях по теме. Обзор показывает, что при наличии фундаментальных исследований по истории окружающей среды в России, здесь имеются значительные лакуны, одной из которых является государственно-общественная рефлексия социоприродных проблем позднего аграрного общества.

Серьезное впечатление производит *источниковая база диссертации*. Перечень источников, использованных Н.С. Цинцадзе, насчитывает более 400 наименований и видится нам достаточным и репрезентативным для освещения темы работы. Изучены материалы центральных и региональных архивохранилищ, в том числе десятки фондов крупнейших собраний, таких как РГИА, РГАЭ, ГАРФ. Группируя источники, как поясняет исследовательница, по видовому назначению, она выделяет 13 блоков, – от делопроизводственных и нормативных документов, статистических материалов и решений крестьянских сходов до научных исследований, периодической печати, публицистики, художественной литературы и документов личного происхождения. Многие виды источников, прежде всего из блока делопроизводственных, нормативных и статистических документов, введены в научный оборот впервые. В связи с этим разделом у нас только один сложносочиненный вопрос: вероятно, рубрикация учитывает также функциональный принцип? Иначе как объяснить присутствие наравне с эго-документами и справочными изданиями групп «решения крестьянских сходов» и «аутентичные научные исследования»? Что означает эта по-

следняя рубрика, как автор кодифицирует источники, попадающие в раздел? Идет ли речь о публикациях результатов научных исследований? Наконец, что автор имеет в виду, добавляя расширение «аутентичные», относящееся скорее к современной эпохе? оригинальность исследования?

Первая глава **«Имперская власть и социоприродные проявления аграрного кризиса»** открывает государственнический блок исследования. В ней Н.С. Цинцадзе рассматривает формирование политики центральной власти в пореформенный и позднеимперский периоды. В деталях показано, как собирались и перемещались «наверх» – от уездных исправников и губернаторов к министерствам и императору – сведения о проблемах природопользования пореформенной деревни: погодных кризисах, истощении земельных ресурсов, упадке скотоводства, росте переселенческого движения и пр. Достоверная информация «с мест», подчеркивает диссертантка, становилась основой для решений по обозначенным проблемам центральной власти, прежде всего – ведомства земледелия в его различных формах. В главе далее подробно освещена работа ряда целевых комиссий и совещаний, возглавляемых П.А. Валуевым, В.И. Ковалевским, В.Н. Коковцовым, С.Ю. Витте, призванных провести анализ состояния пореформенного сельского хозяйства, наметить направления его реформирования. Внимание уделено также научным экспедициям А.А. Тилло, В.В. Докучаева и др. по исследованию природно-географических особенностей Европейской России, которые снаряжались профильными ведомствами, в том числе для изучения путей решения насущных природно-хозяйственных задач. Так, освещая деятельность «Особой экспедиции по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России» во главе с В.В. Докучаевым, Н.С. Цинцадзе доказательно связывает ее появление с ответной реакцией ведомства земледелия на засуху и голод 1891–1892 гг., охвативших значительную площадь Европейской России.

Существенный интерес представляют отдельные сюжеты данной главы, например история поездок главы ведомства земледелия А.С. Ермолова, первого министра с профильным образованием, с целью изучения состоянием сельского, лесного и водного хозяйств в стране. По итогам главы Н.С. Цинцадзе заключает: деятельность земледельческого ведомства по всем означенным направлениям активизировалась в начале 1900-х гг., что объясняется активным обсуждением продолжающегося «оскудения Центра», ростом крестьянских выступлений и т.п. Дальнейшее расширение правительственных инициатив, продолжает исследовательница, связано с реализацией аграрной реформы П.А. Столыпина, сопровождающимися ее мерами по развитию агрономической помощи, рационализации аграрных практик и технологий, поддержке аграрной науки и пр.

В связи с главой у нас несколько взаимосвязанных размышлений. Складывается впечатление, что, детально изучив процесс сбора на местах и получения центром информации о кризисных явлениях, диссертантка несколько переоценивает глубину ответной реакции правительственных структур. Она утверждает, что власть «была хорошо осведомлена о социоприродных процессах в деревне, особенно об “оскудении Центра”», «понимала прямую взаимосвязь между ростом населения и деградацией природных ресурсов» (стр. 65), делает вывод об «оперативном взаимодействии всех уровней и звеньев централизованного бюрократического аппарата пореформенной и позднеимперской России в деле выявления, изучения и оценки социоприродных угроз» (стр. 136). Но действительно ли так слаженно действовал бюрократический механизм, что позволил центральной власти осознавать выявленные угрозы именно как *социо-природные*? На основании материалов главы складывается иное впечатление: ведомство земледелия на протяжении почти всего периода своего существования привычно реагировало на информацию с мест в режиме «затыкания дыр», «вызова-ответа» (всегда запаздывающего), в лучшем случае – отдельных социально-экономических мероприятий по повышению урожайности, но не осознанной программы действий по природосбережению. Ситуация начала меняться лишь в предвоенные годы. Как видим, и это подчеркивает исследовательница, проект «Водного устава», разработанный в 1914 г., так и не успели внести на рассмотрение в Государственную думу. Представляется, что в данном контексте можно было бы подробнее рассмотреть деятельность Ученого комитета МЗиГИ – научной институции, которая действительно стимулировала ведомство к осмыслению социоприродных проблем.

Все сказанное выше отнесем и к изложению исследовательницей хода и итогов работы комиссии Валуева, созданной в ответ на «тревожные доклады губернаторов». Как утверждает Н.С. Цинцадзе, «участники совещания под руководством П.А. Валуева, осознав широкий круг экологических проблем, предложили программу действий», «по итогам деятельности Валуевской комиссии было оказано государственное содействие сельскому хозяйству» (стр. 87). Согласившись с квалификацией рекомендации комиссии как *программы действий*, возразим по поводу осознания ею *широкого круга экологических проблем*, предостерегая диссертантку от возможного презентизма: в материалах мы видим обсуждение традиционных социально-экономических тем, но никак не экологических. Далее, о государственных мерах как итоге работы Валуевской комиссии. Имеются в виду некие «осушительные работы на севере и северо-западе, оросительные – на юге и юго-востоке России», а также введенное в 1888 г. «Положение о сбережении лесов». Последнее слишком оторвано по времени и имеет иные корни. Что касается осушительных и оросительных работ, что это

за работы, являлись ли они прямыми следствиями рекомендаций комиссии? Как, например, соотносить их с утверждением (стр. 96), что «лишь засуха 1891–1892 гг. убедила правительство в неотложности и значимости оросительного дела в стране». Наконец, как диссертантка относится к мнению ряда историков (в частности, К.Д. Кавелина), что внутренние задачи комиссии Валуева состояли отнюдь не в стимулировании государства к рациональному природопользованию: комиссия была призвана подтвердить бедственное положение дворянского хозяйства, подготовить «конституцию сверху», создание постоянно действующего Совещания для решения вопросов помещичьего землепользования. Заключим длинный перечень рассуждений и вопросов короткой поправкой в связи с экспедицией Докучаева, зафиксировавшей, по словам исследовательницы, «исчезновение серебристого ковыля, байбака, дерезы, дрофы и других обитателей степи» (стр. 89). Если это не прямая цитата, биологическая логика требует перечисления отдельно представителей флоры, отдельно – фауны: например, сначала растения (ковыль и дереза), и вслед за ними – животные (байбак и дрофа), но никак не попеременно.

Вторая глава посвящена анализу **аграрной политики Временного правительства в отношении социоприродных проблем**. Н.С. Цинцадзе последовательно, с привлечением большого корпуса документальных источников, рассматривает деятельность Министерства земледелия, Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ в феврале-октябре 1917 г. Она впервые изучила социальные и природоохранные аспекты документов по землепользованию, лесопользованию, водопользованию и др., что позволило говорить о включении социоприродных вопросов в короткую повестку работы Временного правительства. Сделанные диссертанткой выводы о преемственности политики природопользования при переходе от царского режима к недолгой демократии представляются обоснованными и убедительными. Действительно, вопросы ресурсопользования и там, и здесь «откладывались на потом, уступая место приоритетным аспектам внутренней и внешней политики». Согласимся также с общим заключением, к которому приходит Н.С. Цинцадзе: в период военно-революционных потрясений природа приносится в жертву социуму и политике. На этом фоне особенно показательны приведенные исследовательницей материалы об активной охранительной позиции Временного правительства в деле защиты от уничтожения и разорения частных рациональных хозяйств, опытных полей и питомников. Заметим: эту политику унаследовало и правительство большевиков на раннем этапе своей деятельности.

Третья глава «**Советская власть и социоприродные проблемы деревни**» обобщает сведения по законодательному регулированию природопользования в 1917–1941 гг. Социоприродные аспекты аграрной политики советского

правительства изучены диссертанткой по материалам НКЗ РСФСР, НКЗ СССР, ряда других правительственных и партийных структур. Ценной характеристикой подхода, примененного Н.С. Цинцадзе, стало сочетание источниковедческого анализа и метода контент-анализа документов. Изучалась количественная частота упоминаний о различных проявлениях экосоциального кризиса в постреволюционной России и мероприятиях Советского государства по их преодолению. Так, только за ранний период 1917–1921 гг. исследовательница проанализировала более 100 декретов, постановлений и пр. по пяти смысловым группам, среди которых – вид природных ресурсов, способы охраны природы, методы решения социоестественных проблем и пр. Итогом стал вывод о том, что вопросы природопользования в сельском хозяйстве в данный период самостоятельного статуса еще не приобрели и решались в военнореволюционном режиме попутно с земельными и продовольственными. Несмотря на это, как утверждает Н.С. Цинцадзе, уже наметилась тенденция к обособлению социоприродных проблем, связанных с лесопользованием, охотой, мелиоративными вопросами и др. Далее в главе показано, как чрезвычайный характер нормативных решений первых лет советской власти сменили комплексные партийно-правительственные постановления 1920–1930-х гг. Диссертантка делает важное заключение: переход к регулярной природовосстановительной политике был вынужденной мерой реагирования на катастрофические кризисы – неурожай и голод начала 1920-х гг., 1932–1933 гг. и 1936 г. Она убедительно демонстрирует, как в общих рамках задач повышения производительности аграрной сферы все более активно начали обсуждать вопросы рационального лесо- и водопользования, семеноводческой работы, кадрового обеспечения сельского хозяйства, расширения его механизации и пр.

По данной главе у нас имеется только один комментарий, связанный с периодизацией деятельности НКЗ в 1917–1921 гг. (параграф 3.3) и 1922–1941 гг. (3.4). Возможно, следовало бы выделить и посвятить отдельный параграф периоду нэпа, по крайней мере, до 1926 г. включительно. Из нашего опыта: идеология и рефлексия власти в связи с природным контекстом аграрных проблем в это время в корне отличалась как от предшествующего военнореволюционного диктата, так и от начавшегося в конце 1920-х гг. перехода к политике природопокорения. Тем более что в выводах главы диссертантка четко выделяет именно эти два этапа в социоприродной деятельности НКЗ: период 1920-х гг., когда происходило восстановление истощенных войнами и революцией природных ресурсов традиционными приемами, и период 1930-х гг., закрепивший потребительское отношение к природным ресурсам. К тому же в дальнейшем (глава 6) диссертантка также выделяет 1920-е гг. как эпоху разно-

образных аграрных дискуссий и плодотворных научных размышлений о путях ресурсопользования.

Последующие главы составляют блок диссертационного исследования, объединенный тематикой общественного восприятия и реагирования на социальные и природные аспекты сельского хозяйства.

В четвертой главе Н.С. Цинцадзе погружает нас в мир крестьянства, **анализируя его отношение к разнообразным социоприродным проявлениям**. Мы снова оказываемся во второй половине XIX в. и далее путешествуем во времени до конца 1930-х гг., последовательно наблюдая за реакцией крестьян на действия власти, меняющие их социум: пореформенное перераспределение природных ресурсов, революционный передел, проведение коллективизации, форсирование индустриализации. Обратим особое внимание на источники, использованные исследовательницей для изучения аграрного мира пореформенной деревни и настроений крестьян: уставные грамоты, жалобы, прошения. Объем проделанной ею работы впечатляет, вызывает полное доверие к полученным результатам. Так, она изучила порядка 800 уставных грамот, отобрав из них более 100, касавшихся проблем природопользования. Документы зафиксировали недовольство крестьян размерами наделов, качеством пашни, отсутствием ценных сенокосов, доступа к водным ресурсам и пр. Как установила диссертантка, помимо незавершенности землеустройства, главные беды – от оскудения земли и упадка скотоводства до засух и неурожаев – по мнению крестьян, крылись в перенаселенности деревни, малоземелье и, что особенно удивительно, в агрокультурных способах хозяйствования. Крайне интересные выводы Н.С. Цинцадзе делает также в отношении трансформаций крестьянского «эко сознания». Архетипически экофобское (покорительно-потребительское), оно традиционно вмещало также и экофильное восприятие природных ресурсов, прежде всего земли, лишь в результате коллективизации став потребителем-равнодушным. В этой прекрасной главе наш взгляд зацепили лишь не совсем уместные презентистские пассажи о крестьянстве; например, оно «на переломе эпох *активно рефлексировало* [выделено нами. – О.Е.] над проблемой истощения природных ресурсов».

В пятой главе исследовано **отношение к социоприродным проблемам земских структур**, освещены земские мероприятия по борьбе с кризисами. На основе анализа разнообразных материалов земского делопроизводства и статистики Н.С. Цинцадзе показывает, как благодаря сотрудничеству с учеными в земствах все более активно выявлялась и обсуждалась взаимосвязь между аграрным перенаселением центральных губерний и кризисными явлениями в крестьянском хозяйстве, такими, например, как сокращение лугов и выгонов, что, с одной стороны, влекло уменьшение поголовья скота и, соответственно,

навоза для удобрения истощавшихся почв, с другой стороны, – приводило к вырождению ценных пород. Как резюмирует диссертантка, именно земство как институт власти на местах стало инициатором многих массовых мероприятий, направленных на модернизацию сельскохозяйственного производства: к середине 1910-х гг. мелиорация, лесовосстановление, агрономическое просвещение оказались центральным элементом экономической деятельности земских организаций, при этом разработка конкретных мероприятий учитывала зонально-географические и экономико-типологические особенности деления Европейской России. В главе сделан доказательный вывод, что именно благодаря активности земств, центральная власть и общественность стали уделять больше внимания социоприродным проблемам деревни. Так, мероприятия ведомства земледелия конца 1890-х – начала 1900-х гг. в сфере мелиорации, лесовосстановления, крестьянских переселений, агрономического образования и просвещения и др. во многом опираясь на сведения и предложения, полученные от земств.

К данной главе сделаем лишь один комментарий, который, тем не менее, можно распространить на всю диссертационную работу. На стр. 370 исследовательница замечает: «земцы для обозначения экосоциального аспекта аграрной деятельности использовали понятие “естественные условия сельского хозяйства”, понимая под ним совокупное воздействие на процесс хозяйствования почвенных, рельефных, водных, лесных, атмосферных процессов биосферы». Аутентичная формула того, как сами участники процесса кодифицировали проблемы, сегодня определяемые как экосоциальные, представляется нам крайне важной для понимания исторического контекста исследования; хотелось бы увидеть подобное и в других разделах работы. Интересно было бы посмотреть, насколько совпадают, пересекаются представления о “социоприродном” у главных акторов процесса взаимодействия государства, общества и природы.

В шестой главе **«Обсуждение экосоциальных проблем научным сообществом второй половины XIX – первой трети XX в.»** Н.С. Цинцадзе представляет размышления ученых относительно причин, проявлений и последствий социоприродного кризиса. Со многими участниками научного процесса, выступавшими экспертами государственных ведомств и земств, их идеями и рекомендациями, мы уже встречались в предыдущих разделах диссертации. Полностью согласимся с выводами исследовательницы: выдающиеся представители отечественного естествознания и аграрной науки всеми возможными способами – иногда «ударяя в набат», в советское время – нередко ценой собственной свободы, научной и физической – подталкивали власть к осознанию критической важности природных проблем для социума. И если в имперский период курс на выстраивание аграрной политики с учетом рекомендаций, кол-

лективно выработанных научным сообществом, позволил к 1917 г. добиться первых робких результатов в природосбережении, то начиная с 1930-х гг. репрессивно-командный стиль в отношении науки все чаще приводил к реализации аграрных проектов, основанных на ошибочных научных представлениях.

В седьмой главе, продолжая анализировать общественный дискурс, Н.С. Цинцадзе рассматривает **социоприродные проблемы позднего аграрного общества** в трактовке лидеров **общественного-политического движения**, прежде всего деятелей научно-практических объединений, таких как ВЭО, МОСХ, а также политических партий начала XX в. В первом параграфе, посвященном обсуждению социоприродных проблем в периодической печати и публицистике, портретируются некоторые яркие фигуры, анализируются их размышления и труды по данной тематике. Среди них земский деятель и член комиссии Валуева кн. А.И. Васильчиков; президент МОСХ кн. А.Г. Щербатов; агроном В.Г. Бажаев; земский деятель А.А. Зубрилин; государственный деятель С.С. Бехтеев; экономист и статистик В.И. Покровский; земский агроном К.А. Мацевич; земский статистик и географ Д.И. Рихтер; агроном, государственный служащий В.В. Винер; ученый-экономист А.И. Чупров и многие другие. (В скобках заметим: не совсем понятна логика объединения этих очень разных по статусу персоналий, многие из которых не являлись в строгом смысле общественными деятелями. Если речь идет о публикациях в общественной прессе, в России каждый мыслящий гражданин так или иначе имел подобный опыт. Кроме того, с таким же успехом этот раздел мог быть помещен в главе о земцах.) Далее Н.С. Цинцадзе с привлечением разнообразного корпуса источников изучает отношение к социоприродным проявлениям аграрного кризиса главных политических партий, анализирует влияния их идеологий на особенности трактовки кризисных явлений, практик выхода из них. Особый интерес представляет раздел о первых советских природоохранных организациях – Всероссийском обществе охраны природы и Центральном бюро краеведения, сложности их деятельности, необходимости лавировать во властных потоках и даже встраиваться в партийно-государственную систему. Как заключает исследовательница, экологическая повестка в 1930-е гг., по сравнению с 1920-ми гг., заметно сократилась и идеологически окрасилась: охрана природы отошла на второй план, приоритетом стали вопросы повышения урожайности и освоения природных запасов страны.

Завершающая глава повествует об особенностях **отражения изучаемых процессов в литературном творчестве современников** – от разночинной пореформенной интеллигенции до советских писателей-«деревенщиков». Диссертантка последовательно выявляет присутствие в нарративе известных художественных произведений мотивов непростых взаимоотношений человека и природы (истощения угодий, обмеления рек, вырубки лесов, большевистского директивного хо-

зяйствования, выкачивания ресурсов из природы и т.д.), а также главенствующей темы необходимости гармонизации отношений с ней. Тем не менее, как она показывает далее, литераторы советской эпохи воспевали и инициированные властью восстановительные меры, популяризируя тем самым идеи рационализации аграрного труда и науки как его основы.

В итоговом разделе диссертационного исследования Н.С. Цинцадзе делает обобщающие заключения и выводы, которые полностью соответствуют поставленным задачам, являются доказательными и исчерпывающими. Особенно интересными представляются выявленные диссертанткой общие черты и различия в особенностях восприятия социоприродных проблем деревни государством и обществом. Важным теоретическим положением стало обоснование аврально-мобилизационной модели реагирования Российского государства как ответа на экологический вызов в рамках модернизации. В рамках проведенной периодизации выделены четыре этапа взаимодействия государственной власти, общества и природы: постепенной активизации мелиоративных работ имперской властью в 1860-е гг. – 1917 г.; свертывания природовосстановительной деятельности в 1917–1921 гг.; возобновления практики природосбережения в 1922–1932 гг.; чередования природовосстановительных и природопокорительных мероприятий в 1933–1941 гг. В целом, соглашаясь с аргументацией соискательницы, предложим подумать о разделении первого этапа на два – до «Великого голода» и после, когда добавился курс на интенсификацию сельского хозяйства.

Диссертация Н.С. Цинцадзе по своему содержанию является оригинальной, творческой и завершенной научно-квалифицированной работой, соответствующей современному уровню развития науки. В ней на основании выполненных автором научных исследований получены новые фактические данные и разработаны теоретические положения по указанной проблематике. Автореферат отражает основное содержание диссертации. Замечания, высказанные нами в отзыве, имеют частный характер и никак не влияют на чрезвычайно положительное впечатление от работы, к тому же написанной прекрасным литературным языком.

Результаты диссертационного исследования соискательницы доложены на научных конференциях разного уровня, включая международные, вошли в тексты монографий и многочисленных научных статей, в том числе опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ и входящих в международные базы индексирования WoS и Scopus. Практическая значимость результатов диссертации несомненна: ее положения и выводы могут быть использованы как при подготовке научных трудов по экологической истории и общей истории России, так и в практической работе

экологов и преподавательской деятельности. Диссертация Н.С. Цинцадзе соответствует научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Считаю, что по совокупности полученных результатов и сделанных выводов диссертационная работа на тему «Экосоциальные проблемы Европейской России (1861–1941 гг.): власть, общество, природа» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук и критериям, установленным п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., а ее автор, Нина Сергеевна Цинцадзе, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки «Институт истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук»

Елина Ольга Юрьевна

30 сентября 2022 г.

Подпись Елиной О. Ю. Заверено
начальник отдела кадров ИИЭТ РАН
Забавин / Заверовская Н.В.
03.10.2022

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук».

Почтовый адрес: 125315, Российская Федерация, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14.

Телефон /факс: +7 (495) 988-22-80.

URL: <http://ihst.ru>

Адрес электронной почты: olga.elina25@gmail.ru